

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

© С.С. ПАШИН, С.В. КОНДРАТЬЕВ, С.П. ШИЛОВ

pashin-s@yandex.ru

УДК 94:647.253(438).03

САНОЦКИЕ СОТНЫЕ XV ВЕКА (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОРОЛЕВСКИХ СЛУГ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛЬШЕ)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одной из групп королевских крепостных слуг в Червоной Руси XV века. Сделан вывод, что саноцкие сотные были потомками древнерусских пленников, посаженных на землю (смердов).

SUMMARY. The article is devoted to the group of the royal bondservants in Red (Galician) Rus' in the 15th century. The author comes to the conclusion that the Sanok hundred's men (sothni) were the descendants of ancient Russian serf-captives settled on land (smerdy).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Саноцкие сотные, XV век, королевские слуги, Польша.

KEY WORDS. Sanok hundred's men (sothni), the 15th century, royal servants, Poland.

Нам уже приходилось писать о том, что сословная структура позднесредневековой Польши не ограничивалась шляхтичами, мещанами и кметами: достаточно вспомнить о солтысах, князьях (крайниках) в селах на волошском праве, рабах, землянах, малопольских влодыках, а также разнообразных червонорусских слугах. В последнем случае речь идет об имевших древнерусские корни перемышльских конюхах, галицких каланных, львовских ордынцах, саноцких сотных и некоторых других группах служебного населения.

Автор единственной книги о червонорусских королевских слугах польский историк В. Гейнош увидел в них реликты древнерусского общественно-политического строя, называя его строем «княжеско-городовым», «предсословным», отличным от польской сословной государственности. В основе служебных отношений лежала «служебная», или «служебно-приписная», зависимость, выражавшаяся в выполнении слугами определенных повинностей и запрещении самовольных переходов [1]. Кто попадал в эту зависимость в древнерусские вре-

* Статья написана в рамках государственного контракта № 14.740.11.1387 по теме: «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук в области истории российско-германских отношений с участием научно-исследовательских и научно-образовательных организаций Германии» (шифр заявки «2011-1.2.2-301-025-001»).

мена, В. Гейнош не пояснял, поскольку никогда не занимался историей Руси XI-XIII веков. Знакомый с червонорусскими слугами только по книге В. Гейноша Б.Д. Греков полагал, что королевские замковые слуги — это дворцовые слуги и крестьяне бывших доменов галицких князей [2].

Четверть века назад каланым и ордынцам XV в. посвятил небольшую статью автор этих строк [3]. Суммируя все известное о каланых-ордынцах мы попытались установить их место в социальной структуре Галицкой Руси XII-XIII веков. Эти слуги жили на княжеских землях, выполняли в пользу князя определенные повинности, были лишены возможности покинуть свое село и разорвать служебные отношения. Князь распоряжался выморочным имуществом и активно вмешивался в дела сельского самоуправления.

Какая категория древнерусского населения наиболее соответствует изложенным признакам? Тот или иной ответ зависит от понимания характера княжеской власти и уровня развития социально-экономических отношений в домонгольской Руси. Для Б.Д. Грекова XII-XIII вв. были этапом развитого феодализма — отсюда и «феодалные корни» королевских слуг. Более обоснованным нам представляется мнение, согласно которому древнерусское общество переживало «переходный период от доклассового строя к классовому» [4]. В таком обществе немыслимо, чтобы волостные правители использовали свою власть для закрепощения свободных общинников. Основные источники пополнения зависимого от князя населения должны были находиться за пределами Галицкого княжения, и среди них важнейшее значение имел полон. Часть пленников князя сажали на землю и таким образом превращали в смердов [5].

В Галицко-Волынской летописи слово «смерд» последний раз упоминается под 1245 г.: зять венгерского короля черниговский князь Ростислав Михайлович, «умолив Угор, много просися у тьстя, да выидеть на Перемышль. Вшедшу ему, собравше смерды многы пышьце, и собра я в Перемышль» [6]. Добраться от венгерской границы до Перемышля Ростислав мог только по долине Сана, и среди собранных им «смердов многих», на наш взгляд, были предки саноцких сотных.

Занимавшая верховья реки Сан, затерянная в северных предгорьях Карпат небольшая Саноцкая земля*, кажется, во всем отличалась от прочих земель Русского воеводства Польского королевства. Территория Перемышльской, Галицкой и Львовской земель в XII-XIII вв. была ядром Галицкого княжения, Саночина же долгое время оставалась редконаселенным пограничным районом, глубоко вклинившимся между Польшей и Венгрией. Интенсивное заселение земли началось во второй половине XIV в., т.е. уже после захвата Червонной Руси поляками. Неудивительно, что из двух сотен саноцких поселений XV в. только примерно 20 сел вели свою историю со времен независимости Галицко-Волынского княжества, и почти в каждом таком селе встречаются королевские слуги (*servilis, servitor, servus, sluzebny*). Наше внимание привлекли люди сотные (*sothne, sothni, sethny*).

В саноцких городских книгах XV в. сотные упоминаются в 5 селах, расположенных в 4-15 км от Санока: Костировцах, Пловцах, Саночке, Тыраве Сольной и Уличе. Формально с сотными связано 13 судебных записок, датированных 1442 и 1445-1447 годами. Понятно, что названные сотными люди существовали и до 1442 г., а исчезновение *sothne* со страниц саноцких городских книг не привело

* Ныне — крайний юго-восток Польши, часть Подкарпатского воеводства.

к ликвидации этой группы зависимого населения: подобно каланным-ордынцам, сотные — не официальный термин, а слово чисто бытового обихода. При внимательном изучении саноцких записок выясняется, что с сотными связано только 6 судебных тяжб: две касаются Улича и по одной — четырех прочих сел.

Самая ранняя судебная записка (от 30 июня 1442 г.) имеет почти анекдотический характер: житель Домбровки Борис и двое жителей Саночка ручались за Степана из Саночка, что тот не покинет свою жену. Если же он все же сбежит — скорее всего, за пределы села, — тогда они «*debent solvere hominem sethny*». В последующих записках ни Степан, ни его поручители не упоминаются, а село Саночек не позднее 1448 г. становится держанием шляхтича Яна Кобыленьского [7].

Более содержательными оказались две записки от 10 апреля 1446 г. Согласно им, известный с 1929 г. Голан из Пловцов ручался за своих сыновей Олешка и Ивана в том, что они в течение 6 недель будут «в мире и спокойствии находиться в своем доме, как прежде находились». По истечении указанного срока Олешку следует покинуть дом Ивана, но он не может оставлять Пловцы и вообще королевские имения, поскольку Олешко — «человек сотный, и где бы он ни был, его должны выдать» [8].

В данном случае ясно вырисовывается юридический статус сотного Олешка — он является крепостным, прикрепленным к месту проживания. Более 20 лет спустя, в октябре 1468 г. оба брата упоминаются как «*Longus Ivan et Olesko, kmethones de Plowcze*» [9], однако мы бы не рискнули утверждать, что они превратились в обычных кметов.

Все 6 записок 1446 г. с упоминанием сотных в Костировцах посвящены двум бывшим жителям этого села — Даниле и Степану, которые сбежали накануне Пасхи. Записки называют их людьми сотными, кметами сотными, или людьми королевскими сотными, причем два-три термина могли использоваться в качестве синонимов в одной записке [10].

Саноцкий гродский суд занимался беглецами почти 9 месяцев. Тяжба началась с того, что явившиеся 26 марта на судебное заседание десятник (глава сельской общины) Андрей «*cum tota comunitate de Costirowcze*» поручились за своих односельчан Якова, Василя и Микиту — скорее всего, пособников беглецов. Те должны вернуть Данилу и Степана. В противном случае им грозит штраф в 30 гривен, по 15 гривен за каждого сбежавшего — намного больше, чем за обычного беглого кмета, поскольку беглецы «были сотными».

Через 2 недели в суд были вызваны солтыс и кметы из села на немецком праве Глодне, входившего в состав обширной Деновской (Дынувской) волости на севере Саноцкой земли, принадлежавшей магнатскому роду Кмитов. Жители Глодне проигнорировали 4 вызова на судебные заседания, и в ноябре-декабре 1446 г. суд с тем же успехом пытался вызвать управителя Деновской волости.

Исход тяжбы по судебным запискам не прослеживается, однако мы можем представить себе действия Данилы и Степана после бегства из Костировцев: за несколько дней они преодолели более 20 км, попытались найти прибежище в селе Глодне, не встретили сочувствия у местных жителей — те даже сильно побили их, нанеся каждому по «две раны», — и, кажется, не без участия управителя (*Wojewoda*) укрылись в каком-то другом селе Деновской волости. Таким образом, в случае с двумя жителями Костировцев сотные вновь предстают как крепостные.

Подозреваем, что за 4 года до бегства, в апреле 1442 г. наши беглецы были среди 8 «kmethones de Costirowcze» — поручителей своего односельчанина Трубки, которого суд обязал заплатить 8 гривен другому жителю Костировцев — Ходору [11]. Нам представляется, что при иных обстоятельствах упомянутых «кметов» судебные записки назвали бы сотными.

Сыновьями кого-то из поручителей вполне могли быть братья Дешко и Филь. Согласно записке от 24 мая 1444 г. Дешко продал некоему Лаврентию Пачоссе — судя по имени, явно не русину — лан земли в Костировцах за 10 гривен, причем получил лишь 2 гривны, а 8 уступил брату Филью, который должен получать предназначенные ему деньги частями, по 2 гривны в год. Явившийся в суд 13 июня Филь характеризуется как «саноцкий мещанин». Он заявляет о получении первых 2 гривен из рук Лаврентия Пачоссы. К тому времени у покупателя уже возникли какие-то сомнения насчет купленной земли, и Филь обещает трехкратное возмещение всех возможных убытков. Ровно через год, получая очередные 2 гривны, «conciuis Sanocensis» Филь сулит уже шестикратное возмещение потенциальных убытков [12].

Развязка наступила в следующем году. 4 ноября 1446 г. саноцкий суд постановил, что «Филь, мещанин саноцкий, землю свою в Костировцах служебную (servilem), которую он продал Лаврентию на праве немецком, будучи не в состоянии освободить ту землю, как обещал», должен получить назад, а Лаврентию в течение трех лет вернуть 6 гривен. Со своей земли Филью следует «служить русским обычаем или, *по крайней мере* (курсив наш. — С.П.), поселить на упомянутой земле такого человека, который смог бы выполнять надлежащие королевские работы и службы по заведенному обычаю» [13].

В. Гейнош (а вслед за ним и Б.Д. Греков) анализировал содержание только двух записок 1446 г. и трактовал его в том смысле, что служебные обязанности Филья не носили личного характера. Речь якобы шла об имущественных отношениях, связанных с владением определенным земельным участком [14]. По словам Б.Д. Грекова, «замок заинтересован не в том, кто именно сидит на этой земле, а как выполняются повинности» [15]. Между тем, совершенно очевидно, что суд отнюдь не «вернул Филью в прежнее состояние, т.е. заставил его взять служебную землю и по-прежнему с нее служить поге Ruthenico». На наш взгляд, Филь, а прежде его брат Дешко, бесследно исчезли с деньгами доверчивого Лаврентия, и суд всего лишь выдавал желаемое за действительное.

Другие записки 1440-х годов объясняют, почему Лаврентий позволил обмануть себя. Дело в том, что часть костировских земель уже не связана с поге Ruthenico — владение ими регулируется нормами польского обычного права (sub ius Polonicum). Покупателями подобных участков становятся Станислав Polonus, Ян Риш — судя по именам, явно не аборигены [16]. Некоторые покупатели соглашались выполнять барщинные работы на костировском фольварке и становились «laboriosi». К примеру, Альберт Спакович, приобретая в 1458 г. целый лан земли всего за 2 гривны, обещал ежегодно работать 3 дня на уборке сена, но не делать другие работы, которые выполняли его будущие односельчане [17].

В случае с Тыравой Сольной, строго говоря, речь идет не о сотных, а о «сотном скоте» (Bydlo sothne). Согласно записке от 10 марта 1447 г., саноцкий староста оставил вдову Машу и двух ее сыновей на земельном участке в этом

селе и вернул им *Bydlo sothne*, а именно двух быков и свиней, которые после смерти Машиного мужа отошли к старосте. За это они должны выполнять работы, «как прочие кметы» из Тыравы Сольной, но «по возможности» — явно ввиду малолетства сыновей Маши. Кроме того, им запрещено оставлять свой земельный участок [18].

В. Гейнош делал отсюда вывод, что сотные вербовались из «экономически слабых» элементов, «пролетариев», которые, не имея возможности вести крестьянское хозяйство, поступали на службу и получали за это землю с живым и мертвым инвентарем. Заботой саноцких старост о сохранности своего имущества якобы и объясняется повышенный штраф за беглого сотного. Историк даже высказал предположение, что некоторые поступавшие на сотную службу изначально лелеяли надежду «при благоприятных обстоятельствах» сбежать с полученным от старосты скотом — отсюда «объяснение явления, что, хотя в общем в земле Саноцкой очень редко имеем дело с бегством кметов, напротив, среди сотных это случается относительно часто» [19].

На наш взгляд, В. Гейнош заблуждался и по поводу частоты бегства сотных — он просто не разобрался, что добрая половина всех записок о сотных касается двух беглецов из Костировцев, — и по поводу «сотного скота». В случае с вдовой из Тыравы Сольной мы сталкиваемся с явлением, аналогичным ситуации с каланными-ордынцами: староста, как представитель королевской власти, реализовывал право на выморочное имущество, а крепостное состояние Маши и ее сыновей никак не увязывалось с возвратом скота.

Оставленные В. Гейношем без внимания записки 1448, 1456 и 1460 гг. объясняют, какие повинности выполняли односельчане вдовы Маши. Согласно первой записке, бывший мельник в Тыраве Сольной Григорий, сын Пашка, продает мельницу своему зятю Петру, при этом он оставляет за собой «вожбу» (*wozba, wozzba*), которая возложена на мельницу «с прежних времен». Петр освобожден от этой работы (*ab eodem labore*) на всю жизнь. Правда, если он захочет продать мельницу третьему лицу, ему придется продавать ее только вместе с *wozzba* [20].

Через несколько лет, явно после смерти тестя, Петр все же продал мельницу некоему Дмитру, «деликатно» умолчав, что мельница не освобождена (*non esset desertum*) от повинностей. Явившиеся в суд в 1456 г. свидетели подтвердили, что «на эту мельницу возложена работа при жупах, согласно обычаю других обитателей Тыравы». Окончательно тяжба между покупателем и продавцом мельницы закончилась в феврале 1460 г., когда Петр согласился взять на себя «обычную *wozzba*, а именно, возить дрова к соляной жупе в Тыраве» [21].

В связи с выяснением сущности повинностей саноцких слуг В. Гейнош обратил особое внимание на записку от 26 мая 1481 г., в которой главным героем выступает «*Mukitha, servus de Thugawa*» [22]. Приходится констатировать, что в ходе изучения всех червонорусских слуг историк явно пренебрег сплошным просмотром протоколов судебных заседаний и ориентировался только на добросовестно составленные издателями «Актов гродских и земских» предметные указатели, где и нашел номера записок о королевских слугах, сотных, каланных, ордынцах и т.д. В этом кроется причина содержащихся в книге многочисленных фактических ошибок. В. Гейнош, например, не понял, что Микита проживал в Тыраве Сольной, а не в расположенных в 7 км от нее крепости Тырава или селе

Тырава (Валашская). В результате Микита превращается у историка в представителя особого вида королевских слуг.

На самом деле, наш герой еще в 1467 г. упоминался среди «*kmethones de Tyrawa Salis*», и его смело можно причислять к сотным. В 1481 г. Микита передал своему племяннику Леню четвертую часть «*sui patrimonii vectigalis alias voszby szolney*» и получил за землю 1 копу грошей. Отныне Леня будет заниматься «вожбой», а прочие службы, как и прежде, ложатся на Микиту [23].

Критикуя В. Гейноша за надуманное толкование данной записки, Б.Д. Греков справедливо замечал: «Никита просто несколько разгрузился: часть повинностей оставил за собой, часть перенес на своего племянника, уступив ему за это четвертую часть своей земли. Эта *vectigal* состояла в возке соли, *patrimonium* — в земле» [24]. Следует только уточнить, что передавалась повинность возить не соль, а дрова для соляной жупы, именно этим издавна занимались практически все жители Тыравы Сольной. Судебные протоколы называют их *кметами* гораздо чаще, чем сотными или слугами, однако это не меняет сути дела: и вдова Маша с сыновьями, и мельники Григорий и Петр лишены возможности покинуть родное село, причем такой порядок сохраняется с древнерусских времен.

В отличие от других саноцких сел, с Уличем связаны 2 дела с упоминанием сотных. Первое датируется 17 июля 1445 г.: выступая в гродском суде, шляхтич Миколай Храпек подчеркивал, что обвиненный им в воровстве лошади Сенько не является ровней ему, будучи «*homo sothni de Vlicz et kmetho*» [25].

Принципиальное значение для определения статуса сотных имеет записка от 26 марта 1447 г. Согласно ей, Панко из Улича передавал свою службу (*servicium alias sluzba*) некоему Гинату, вместе с определенным количеством скота и хлеба. Гинат принимал службу не только на себя, но и на своих сыновей «на вечные времена», тем самым освободив от службы Панка с сыновьями. Если Гинат все же выйдет «*de servicio Regali sive de villa Vlicz*», или преждевременно умрет, и его сыновья по молодости лет не смогут выполнять возложенные на них повинности, Панко придется вернуться к прежней службе. Впрочем, даже будучи освобожденными от службы, Панко с сыновьями «навечно не должны выходить из королевского дедичства, но навсегда должны оставаться сотными, как прочие сотные» [26].

Комментируя эту записку, В. Гейнош признавал, что выход из группы сотных «был невозможен», однако акцентировал внимание на том, что «могли войти в нее личности, с рождения стоящие вне ее, которые путем добровольного договора принимали на себя и на свое потомство служебные обязанности сотных» [27]. На наш взгляд, данная записка лишней раз подтверждает, что крепостное состояние сотных никак не связано с их службой, они прикреплены к земле просто в силу своего происхождения.

В судебной практике Саноцкой земли — в отличие от Львовской и Галицкой — игнорируется термин *illibegi*, в данном случае, лишенные права выхода. Тем не менее, юридический статус саноцких сотных практически ничем не отличается от положения «невольных» каланых-ордынцев.

Особый интерес вызывает причастность сотных к работам у солеварен. Из люстрации Саноцкого староства 1565 г. следует, что жители Тыравы Сольной и Улича трудились при жупах даже во второй половине XVI столетия [28].

Здесь находился один из самых древних на Руси район добычи соли, отсюда еще в XI в. возили соль в Киев. Во время усобицы 1097–1100 гг. киевский князь Святополк Изяславич «не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и не бысть соли в всей Руской земли» [29]. Печерский монах писал не о городе Перемышле, а о Перемышльской волости, в состав которой некогда входила и Саноччина. Обеспечение добычи соли, вероятно, было главным занятием предков саноцких сотных в древнерусские времена.

На генетическую связь с древнерусскими смердами — государственными рабами, посаженными на землю — указывает и положение слуг из других саноцких сел XV в. (Лодзина, Гломча, Домбровка и др.), однако это — тема уже другой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hejnosz W. Ius Ruthenicae. Przekazyki dawnego ustroju społecznego na Rusi Halickiej w XV wieku. We Lwowie, 1928. S. 20.
2. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1952. Кн. 1. С. 362-363.
3. Пашин С.С. Каланные и ордынцы в Червоной Руси XV в. (к вопросу о происхождении королевских слуг) // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1986. Вып. 2. С. 90-93.
4. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 44.
5. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 248-251
6. Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 2. Стб. 797.
7. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie (далее – AGZ). We Lwowie, 1886. Т. 11. S. 202, 317. № 1564, 2542.
8. Ibid. S. 42, 275. № 303, 2189-2190.
9. Ibid. We Lwowie, 1894. Т. 16. S. 61. № 550-551.
10. Ibid. Т. 11. S. 273, 275, 278, 288, 290. № 2175, 2191, 2210, 2299, 2309-2310.
11. Ibid. S. 200. № 1545-1546.
12. Ibid. S. 241-242, 258. № 1914, 1929, 2059b.
13. Ibid. S. 287. № 2295-2296.
14. Hejnosz W. Ius Ruthenicae... S. 44-45.
15. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси... С. 356-357.
16. AGZ. Т. 11. S. 257, 304, 348-349. N 2056, 2431, 2786, 2797.
17. Ibid. S. 436. № 3453.
18. Ibid. S. 299. № 2391.
19. Hejnosz W. Ius Ruthenicae... S. 66-69.
20. AGZ. Т. 11. S. 324. № 2609.
21. Ibid. S. 418, 453. № 3340, 3572.
22. Hejnosz W. Ius Ruthenicae... S. 47-50.
23. AGZ. Т. 16. S. 45, 171. № 384-385, 1518.
24. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси... С. 357. Прим. 11.
25. AGZ. Т. 11. S. 259. № 2066.
26. Ibid. S. 300. № 2403.
27. Hejnosz W. Ius Ruthenicae... S. 65.
28. Жерела до історії України-Руси. Львів, 1897. Т. 2. С. 288-289.
29. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 242.